

Го Цзя развернулся и оказался прямо перед Чжао Юнем. Чжао Юнь сидел в воде — не стоило вылезать, но и оставаться на месте было неловко.

Тусклый свет свечей отражался на капельках воды, застывших на его коже, делая её медовый оттенок ещё более прозрачным и чистым.

— Фэ... Фэнсяо, почему это ты? — Взгляд Чжао Юня метался из стороны в сторону, не зная, куда упасть, и в конце концов смущенно остановился на стоящем перед ним человеке.

— Так вышло, что Сюй Лу позвал Чэн И.

Го Цзя пристально смотрел на него, и в его красивых глазах ясно читалось: «Я говорю полную чушь, и не стесняюсь этого».

Го Цзя протянул ему полотенце:

— Цзилун собирается и дальше сидать в воде? Так ведь и сморщиться недолго.

Однако, сказав это, Го Цзя вовсе не собирался уходить. Чжао Юню пришлось взять полотенце и остаться неподвижным.

Глядя на слегка растерянный вид этого человека, Го Цзя наконец не выдержал и усмехнулся, после чего в несколько шагов отступил за ширму.

Из-за неё тут же донеслись звуки.

С мокрых темных волос еще капала вода, когда Чжао Юнь, наскоро запахнув нижнюю сорочку, вышел наружу.

Го Цзя сидел за столом и уже успел сам себе налить чашку чая.

— Это из-за Гунсунь Вань?

Чжао Юнь отодвинул стул и сел:

— Откуда Фэнсяо об этом известно?

Го Цзя протяжно хмыкнул:

— На днях я встретил её на улице. Все те золотые шпильки и нефритовые украшения, что она

выбирала, были парными — для жениха и невесты. Сдается мне, её сердце дрогнуло. Только вот... — Го Цзя замолчал, посмотрел на Чжао Юня, и в его словах промелькнула мимолетная тоска. — Только вот я никак не ожидал, что этим счастливым окажется Цзилун.

Чжао Юнь сделал большой глоток чая:

— Понятия не имею, когда эта девица успела меня заметить. Впрочем, я уже доложил госпоже: никаких заслуг перед ней я пока не снискал, к тому же Поднебесная еще не объединена, какая уж тут романтика и дела сердечные.

— Цзилун что, отказал ей прямо в лицо?

— Именно так.

Чжао Юнь не заметил, как после его праведного ответа рука Го Цзя, державшая чашку, слегка дрогнула.

Весь день Чжао Юнь пребывал в каком-то полном недоумении: сначала его разыскал Гуань Цзин, а оказалось, что это главная госпожа сватает за него собственную дочь. И когда только эта Гунсунь Вань успела на него посмотреть?

К тому же, разве подобает девушке вести себя столь дерзко? Даже не пытаюсь узнать человека, каков его нрав и сойдутся ли они характерами, она сразу заявила о желании выйти замуж!

Разве мог Чжао Юнь на это согласиться? Он тут же отказал, но кто бы знал, что Гунсунь Вань ничуть не рассердится, а лишь поклянется всеми мыслимыми клятвами.

Заявила, что не выйдет ни за кого, кроме Чжао Юня!

Чжао Юню хотелось немедленно вскочить на коня и отправиться в поход. Он явился к Гунсунь Цзаню воевать, а вовсе не в зятя напрашиваться.

— Гунсунь Вань девица крутая, заявила, что с завтрашнего дня будет ходить сюда каждый день, — Чжао Юнь приложил руку ко лбу и покачал головой.

— Цзилун человек доблестный да еще писанный красавец, то, что она положила на тебя глаз — вполне естественно.

Го Цзя держал чашку с чаем, но в его словах отчетливо слышались нотки насмешки.

Чжао Юнь накрыл ладонью его чашку и внезапно нахмурился:

— Чай совсем остыл, ты всё ещё будешь это пить?

Го Цзя на мгновение растерялся.

А Чжао Юнь уже произнес:

— Давай закроем эту тему, я даже думать об этом не хочу, и Фэнсяо... тоже брось эти мысли.

Го Цзя ошеломленно глядел на него и растерянно пробормотал: — О чем это я думаю?

Чжао Юнь легко улыбнулся, поднял его с места и проводил в целости и сохранности до собственной комнаты.

— Поздно уже, Фэнсяо, ложись отдыхать пораньше.

На следующий день Гунсунь Вань и впрямь явилась, как обещала. Но не успела ее ладонь коснуться створки, как дверь распахнулась изнутри. Злая на вид кухарка утиным голосом рявкнула на нее:

— Братец Чжао еще затемно ушел с войсками из города! Срочное донесение из Бэйхая, военная тревога!

Гунсунь Вань так и замерла у порога поместья Чжао, а когда кухарка с грохотом захлопнула дверь, яростно пнула ее ногой.

— Ай!

Хромая, Гунсунь Вань вернулась в усадьбу наместника. Чжао Юнь, разумеется, об этом не знал.

В этот момент Чжао Юнь уже мчался во весь опор по дороге.

Едва он успел заснуть прошлой ночью, как пришло срочное военное донесение: Армия Желтых повязок Гуань Хая внезапно развернулась на полпути и двинулась напрямик на Бэйхай.

Горная дорога затянувшегося столбом поднимала пыль.

Выступая в этот ночной поход, Чжао Юнь спешно набрал войско, в основном состоявшее из чиновников и воинов, привезенных им из Чаншаня.

— Господин внезапно прислал военный приказ и велел братцу Чжао вести армию, но при этом ни единого лишнего солдата не дал! Как же тогда воевать? — Проскакав рядом с Чжао Юнем, Чэн И перекрикивал свист ночного ветра. — К тому же у Гуань Хая в этой Армии Желтых повязок целых триста тысяч человек! Братец Чжао, если мы пересчитаем наших людей по пальцам, разве это не значит, что мы идем прямо к ним на жертвенный алтарь?

— Замолчи! — оборвал его Чжао Юнь. — Если продолжишь нести чушь и сеять панику в войсках, я прикажу наказать тебя по военным законам.

Чэн И причмокнул губами и пробормотал себе под нос:

— Братец Чжао, Чэн И не боится смерти, просто обидно вот так бездарно идти на убой.

О том, что произошло от уезда Цзи до Бэйхая, Чжао Юнь знал с того самого момента, как получил депешу.

В ту ночь он только-только проводил Го Цзя в комнату и еще не успел закрыть дверь, как ему доставили личное письмо, написанное рукой самого Гунсунь Цзяня, с приказом немедленно вести войска на помощь Бэйхаю.

Го Цзя бросил на письмо беглый взгляд и дважды фыркнул:

— Он хочет сделать из тебя пушечное мясо, Цзилун.

Хотя соображал Чжао Юнь не так быстро, как этот человек, но и тугодумами его назвать было нельзя:

— Хочет моими руками ослабить Армию Желтых повязок?

Го Цзя прищурился, и его глубокий взгляд сделался темным и непроницаемым, точно ночное небо без единой луны.

— Пожалуй, он хочет ослабить не только Армию Желтых повязок.

— А кого еще?

Го Цзя позвал Сюй Лу собирать вещи. Чжао Юнь слегка разозлился:

— Фэнся, что ты творишь? Неужели тоже собрался в Бэйхай?

Широкая ладонь Чжао Юня, мозолистая от многолетних тренировок с копьем, была горячей.

Он перехватил прохладную руку Го Цзя — такая нежная на ощупь, но точеная и зыбкая.

Чжао Юнь впервые так бездумно и крепко сжал чью-то руку, и впервые почувствовал, как холодно у этого человека на кончиках пальцев.

Поэтому он невольно нахмурился:

— Хватит баловаться, сиди смирно в усадьбе.

Какое же тепло! Точно в прошлую жизнь, когда он спас его душу из пламени пожара — такое же тепло, такой же неизменный жар.

Го Цзя на мгновение потерял дар речи, ошеломленный тем, как сильно он тосковал по этому теплу.

К счастью, голос Чжао Юня вернул его к реальности. Не показывая виду, Го Цзя тихонько высвободил руку и медленно произнес:

— Цзилун, я не могу поехать с тобой в Бэйхай, но... ты обязательно должен дожждаться меня в Бэйхае.

— Как это понимать?

Го Цзя глубоко вздохнул и чеканил каждое слово:

— Удержи Бэйхай. Жди меня.

Позже, когда Чжао Юнь отправился на плац проводить смотр войск, всё оказалось именно так, как и предсказывал Го Цзя: Гунсунь Цзань выдал ему приказ, но не дал людей. Однако он уже не мог рассуждать о справедливости — той же ночью он выступил из города, потому что еще до смотра войск Го Цзя вместе с Сюй Лу покинули уезд Цзи.

Перед уходом Го Цзя в спешке кое о чем позаботился и, слегка улыбнувшись уголками губ, подумал: — Боюсь, это всё же пригодится.

Всю дорогу на юг Го Цзя не садился в повозку — погонял коня, мчась вперед день и ночь.

Расстояние в более чем шестьсот ли, даже если ехать круглые сутки, не щадя лошадиных копыт, требует полных суток пути, и это при идеальных условиях.

Сюй Лу догнал Го Цзя в Ши. Город был осажден, им с трудом удалось вырваться из хаоса

сражения, а затем у стен уезда Чжэньдин они повстречали Чжао Юня и вместе с ним двинулись на север, на службу к Гунсунь Цзаню.

В глазах Сюй Лу Го Цзя был слабым, болезненным господином, чей голос звучал легко и непринужденно — казалось, дунь ветер, и его вмиг унесет.

До тех пор, пока они не встретили Чжао Юня. Лишь обращаясь к нему, Го Цзя словно оживал, и на его лице появлялось больше красок — словно небожитель с нефритовых прудов наконец обретал черты смертного.

Но на этот раз, едва они выехали за городские ворота, брови Го Цзя больше не разглаживались.

— Уважаемый учитель, у коней же сердца от скачки разорвутся!

Улучив момент, Сюй Лу чуть не свалился с седла. Раньше ему тоже доводилось ездить верхом, но никогда еще путь не был столь стремительным и далеким.

Сюй Лу хоть и был молод, но отличался крепким здоровьем: устать-то он устал, но стоило перевести дыхание пару раз, как силы возвращались. Другое дело — Го Цзя. Две лошади опустили головы у ручья и жадно пили воду.

Сам же Го Цзя опирался на стволы деревьев, не смея присесть: его ноги непроизвольно дрожали от боли, а ладони, сжимавшие поводья, покрылись кровавыми мозолями.

Го Цзя боялся садиться, опасаясь, что стоит ему опуститься на землю, как он уже не найдет в себе сил подняться.

Сейчас они всё еще находились в пределах области Цзичжоу, и следов Армии Желтых повязок почти не было видно, но стоило только ступить на земли Цинчжоу...

Го Цзя прижался спиной к большому дереву, глядя на бескрайнюю пустошь вдаль. Серая, унылая, без единой живой души, дорога уходила вдаль, теряя горизонт в туманной дымке.

Точно цель его собственного путешествия.

Го Цзя изо всех сил копался в памяти прошлой жизни, пытаясь сопоставить её с настоящим. И всё же некоторые вещи и события изменились: например, в этой жизни он был на несколько лет моложе, чем в прежней.

Он старался собрать всё воедино, но ход истории неумолимо начал меняться.

Го Цзя смутно помнил, что в это время тот человек должен был находиться в Цинчжоу. Увидев приказ Гунсунь Цзяня, он сразу догадался, что это излюбленный план Гунсунь Цзяня — «чужим мечом убить врага». Тот человек никогда не пользовался доверием наместника.

И в то же время Го Цзя не мог поручиться, двинет ли этот человек войска на помощь Бэйхаю так же, как в прошлой жизни.

— Поехали.

— А? — Сюй Лу чувствовал, что его седло еще даже не успело остыть. — Учитель, поберегите себя! Разве можно выдержать такую бешеную скачку?

Го Цзя натянул поводья и вскочил в седло.

Кто же знал, что не успеют они толком пересечь границу Цинчжоу, как столкнутся с небольшим отрядом Армии Желтых повязок.

Яркие блики обнаженной стали окружили их со всех сторон.

Сюй Лу, унаследовавший от отца владение парой боевых топоров инь-ян, громко рявкнул, спрыгнул с коня и заслонил собой Го Цзя.

То были отъявленные головорезы, не любившие тратить слова на разговоры: взмахнув мечами, они бросились в атаку.

— Учитель, уезжайте!

Но Го Цзя единым движением выхватил меч Юаньхун:

— Куда уезжать? Каждый раз, когда ты кричишь мне уезжать, у меня никогда не получается сбежать.

И тут Сюй Лу остолбенел, наблюдая за тем, как Го Цзя идет им навстречу.

Вспыхнувший отблеск клинка слился со звездным светом на самом его острие, пронзительный ледяной холод вспыхнул в его ладони. Тени меча мелькали повсюду, и каждый, кто пытался преградить ему путь, падал от единственного удара.

— Мамочки, да у вас, оказывается, прекрасное боевое искусство!

Не успел Сюй Лу договорить, как Го Цзя по неосторожности пропустил удар вражеского

клинкa прямо по лезвию своего меча. От силы удара его отбросило назад, едва не заставив выронить оружие из рук.

— Чего стоишь разинув рот! — наконец рявкнул Го Цзя.

Один сражался мечом, другой — топорами.

Пыль столбом, ржание коней, звенящий скрежет металла не смолкали ни на секунду.

Бандиты поистине не ожидали, что всего двое противников нанесут им столь тяжелые потери.

Главари заметили странность меча в руках Го Цзя: лезвие отливало жутковатым синеватым ледяным светом, и его с полным правом можно было назвать рубящим железо словно грязь.

Главарь банды крутанул клинок, оставил в покое Сюй Лу и бросился напрямиком на Го Цзя.

Неожиданный мощный натиск заставил Го Цзя мысленно выругаться — он уже выбился из сил и держался исключительно за счет великолепного качества своего меча.

— Угх!

Получив удар ногой в грудь, Го Цзя потерял равновесие и рухнул на землю. Поднять меч для защиты он уже не успевал — вражеский клинок со свистом обрушился вниз.

В тот же миг брызнуло кровавое марево.

Сюй Лу рухнул прямо поверх Го Цзя, уголки его губ окровавлены, но он улыбался:

— Учитель... кажется, на этот раз я снова стал для вас обузой.

<http://bllate.org/book/19191/1884802>